

Александр Куприн

ЛАЗУРНЫЕ БЕРЕГА

T8 RUGRAM

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К92

Куприн, А.

К92 Лазурные берега / А. Куприн. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 170 с.

ISBN 978-5-521-76643-7

Александр Иванович Куприн (1870–1938) — известный русский писатель, творчеству которого присущ активный, действующий гуманизм, пламенная любовь к природе и человеку.

«Лазурные берега» — интересная книга избранных очерков писателя о жизни в Ницце и Марселе, в Венеции и Монте-Карло... Местные обычаи, необыкновенные реальные истории, уникальные подробности и детали, выхваченные из самой жизни, перенесут читателя в неповторимую атмосферу того времени и позволят посмотреть на мир глазами великого русского писателя.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76643-7

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Немножко Финляндии	5
Над землей	19
Мой полет	38
Лазурные берега	43
Глава I. Необходимое наставление для туристов	43
Глава II. Географическое недоразумение	45
Глава III. За границей	47
Глава IV. Вена	49
Глава V. Перевал	51
Глава VI. Ницца	53
Глава VII. Монте-Карло	59
Глава VIII. Симье (Orniez)	68
Глава IX. Кармен	71
Глава X. Ницца пляшет	84
Глава XI. Бокс	97
Глава XII. Средиземная забастовка	105
Глава XIII. Виадержио	109
Глава XIV. Бастиа	119
Глава XV. Марсель	131
Глава XVI. Порт	134
Глава XVII. Старый город	142
Глава XVIII. Остров Иф	150
Глава XIX. Русский консул	155
Глава XX. Венеция	160

НЕМНОЖКО ФИНЛЯНДИИ

По одну сторону вагона тянется без конца рыжее, кочковатое, снежное болото, по другую — низкий, густой сосняк, и так — более полусуток. За Белоостровом уже с трудом понимают по-русски. К полудню поезд проходит вдоль голых, гранитных громад, и мы в Гельсингфорсе.

Так близко от С.-Петербурга, и вот — настоящий европейский город. С вокзала выходим на широкую площадь, величиной с половину Марсова поля. На лево — массивное здание из серого гранита, немного похожее на церковь в готическом стиле. Это новый финский театр. Направо — строго выдержанный национальный Atheneum. Мы находимся в самом сердце города.

Идем в гору по Michelsgatan. Так как улица узка, а дома на ней в четыре-пять этажей, то она кажется темноватой, но тем не менее производит нарядное и солидное впечатление. Большинство зданий в стиле модерн, но с готическим оттенком. Фасады домов без карнизов и орнаментов; окна расположены несимметрично, они часто бывают обрамлены со всех четырех сторон каменным гладким плинтусом, точно вставлены в каменное паспарту. На углах здания высятся полукруглые башни, над ними, так же как над чердачными окнами, островерхие крыши. Перед парадным входом устроена лоджия, нечто вроде глубокой пещеры из темного гранита, с массивными дверями, украшенными красной медью, и с электрическими фо-

нарядами, старинной, средневековой формы, в виде ящичков из волнистого пузыристого стекла.

Уличная толпа культурна и хорошо знает правую сторону. Асфальтовые тротуары широки, городовые стройны, скромно щеголеваты и предупредительно вежливы, на извозчиках синие пальто с белыми металлическими пуговицами, нет крика и суеты, нет разносчиков и нищих.

Приятно видеть в этом многолюдье детей. Они идут в школу или из школы: в одной руке книги и тетрадки, в другой — коньки; крепкие ножки, обтянутые черными чулками, видны из-под юбок и штанишек по колено. Дети чувствуют себя настоящими хозяевами города. Они идут во всю ширину тротуара, звонко болтая и смеясь, трепля рыжими косичками, блестя румянцем щек и голубизною глаз. Взрослые охотно и бережно дают им дорогу. Так повсюду в Гельсингфорсе. Мне кажется, можно смело предсказать мощную будущность тому народу, в среде которого выработалось уважение к ребенку. Я невольно вспоминаю рассказ моего хорошего приятеля, доктора Андреева, о японских детях. Рассказ относится ко времени задолго до Русско-японской войны:

«Идет, представьте себе, по самой людной улице в Нагасаках этакий огарыш, лет пяти-шести, в отцовском цилиндре, надвинутом чуть не по плечи, в туфлях и в керимоне. Но керимон распахнут настежь, и под ним ровно ничего нет, кроме прелестного, голого, загорелого детского тельца. Малыш небрежно шествует посередине тротуара с потухшей папироской в зубах,

не обращая ни малейшего внимания на человеческую суету вокруг себя. Никому даже в голову не придет толкнуть его, или рассердиться, или просто выразить нетерпение. Вот нагоняет его взрослый японец — деловой, торопливый, запыхавшийся человек. Ребенок в уличной давке окончательно заstopорил всем дорогу. Взрослый мечется налево-направо — ничего не выходит. Тогда, смеясь, хватает он мальчугана под мышки, несет его с десятков-два шагов, пока не найдетcя свободного места, шуточно перевертывает его вокруг себя, ставит бережно к стенке и поспешно идет дальше. А ребенок не только не выражает испуга или недоверия — нет, он даже не потрудился взглянуть, кто это заставил его совершить воздушное путешествие, до того он уверен в своей безопасности и в неприкосновенности своей священной особы и так всецело занят он своей потухшей папироской».

Не могу я не вспомнить при этом, как однажды осенью мы собирались везти из деревни в Петербург одну очень хорошо мне знакомую девушку трех с половиной лет. Она плакала и кричала в отчаянии:

— Не хочу ехать в Петербург! Там все толкаются и все гадко пахнут. Для меня вот такие живые мелочи дороже самых убедительных статистических цифр. В них мелькает настоящая душа народа.

Стоит, например, посмотреть, как летом, в полдень, возвращаются из Петербурга по железной дороге финские молочницы. На каждой станции, вплоть до Перки-ярви, высыпают они веселыми гурьбами с множеством пустых жестяных сосудов, перекинутых по обе

стороны через плечо. И каждую из женщин уже ждут на платформе свои. Кто-нибудь помогает ей сойти со ступенек вагона, другой — муж или брат — предупредительно освобождает ее от ноши, домашний пес вертится тут же, прыгает передними лапами всем на платье, возбужденно лает и бурно машет пушистым хвостом, завернутым девяткой.

В Финляндии женщина всегда может быть уверена, что ей уступят место в вагоне, в трамвае, в дилижансе. Но ей также уступили место и в государственном сейме, и финны справедливо гордятся тем, что в этом деле им принадлежит почин. Они первые в Старом Свете послали четырех женщин блюсти высшие интересы страны вместе с достойнейшими. И мне кажется, что между встречей, оказанной молочнице из Усикирко, и выборами женщин в сейм есть некоторая отдаленная связь, как между первой и последней ступенькой длинной лестницы. Женский труд применяется самым широким образом. В конторах, банках, магазинах, в аптеках — повсюду занимаются женщины. Во всех ресторанах, равинталах и бodegaх прислуживают миловидные девушки, прекрасно одетые и чрезвычайно приличные. Домашняя прислуга исключительно женская. Не редкость увидеть женщину-парикмахера. Но что особенно поражает своею странностью российских козорогов, так это женщины, обслуживающие в банях, не только женских, в мужских.

Когда русские говорят о Финляндии, то уже непременно вспоминают и об этой непонятной, на наш

взгляд, отрасли ремесла, вспоминают, надо сознаться, с ужимками, с худо скрытым любопытством, с притворным возмущением: «Черт знает что за безобразия!» Однако никакого безобразия в этом нет. Услуживает вам серьезная, деловая женщина, лет тридцати пяти, одетая в безукоризненное желтое, холстинковое платье; на шее у нее крахмальный воротничок; короткие рукава, собранные пышным буфом гораздо выше локтей, оставляют голыми сильные ловкие руки. Ни лишних слов, ни жеманства, ни улыбки. Она вас переводит из паровой ванны под душ и в бассейн, мылит, моет, массирует, обтирает, взвешивает на весах и серьезно приговаривает три коротеньких словечка: «Вар шо гут», то есть будьте так добры. И наш российский козерог быстро подчиняется этой спокойной деловитости.

В Финляндии совсем нет проституции, по крайней мере явной, покровительствуемой, или, как выражаются, терпимой законом. Говорят, что миловидные фрекен из ресторанов и кофеен не отличаются чрезмерной строгостью нравов. Мне рассказывал об этом русский офицер, служивший в Финляндии, по видимому, большой сердцеед, но и он утверждал, что благосклонность этих девиц не имеет расчетливого характера и в худшем случае вознаграждается духами, конфетами, перчатками, шляпкой или платьем. И надо сказать, что все ресторанные фрекен одеты нарядно и со вкусом.

Тот же офицер говорил, что в Гельсингфорсе, однако, существует тайная проституция, но довольно

странного характера — дневная. Ищут встреч на улицах и в воротах домов в самый разгар городской жизни — в три-четыре часа пополудни, когда Северная эспланада представляет собою подобие прогуливающегося Невского проспекта. Оставляю это сведение на его офицерской совести, хотя должен прибавить, что то же самое подтвердил, и даже с большей убедительностью, один гельсингфорсский студент, родом финн. С сожалением должен я признать, что в большом количестве женщины в Финляндии не производят очаровательного впечатления. Еще там, где сказывается шведская кровь, попадаются красивые, тонкие фигуры, нежные и смелые черты лица, прелестные, пышные, золотистые и соломенные волосы, маленькие руки и ноги. Чистокровные финки, увы, некрасивы... Тела нескладные, с короткими ногами, с квадратной сутулой спиной, шея ушла внутрь между плеч, лица широкоскулые, рты бесформенные, веснушки, аляповатые носы, разноцветные рыже-бурые, жидкие волосы. Но что уж греха таить: совершенно такого же характера красота и великорусских женщин, за исключением разве Поволжья. Мужчины в Финляндии белобрысы и суровы. Но у мужчин и у женщин одинаково прекрасны глаза — спокойные, смелые, светло-ясно-голубые. Мужские лица прежде времени старятся. И когда я гляжу на их корявые, некрасивые черты, среди которых сияют из резких, глубоких морщин чистые, синие глаза, я невольно думаю об общей картине этой страны, где между гранитных, диких громад, на высотах, тихо дремлют, отражая небо, прозрачные озера. Кста-